

Ободрённая, я продолжила размышлять. Через некоторое время я указала на несколько имён, которые матушка велела запомнить особо, и сказала: «Эти люди чересчур консервативны и не умеют скрывать эмоций. Нельзя допускать их до должности цензоров.» Такие вспыльчивые и упрямые люди, став цензорами, могли бы довести до белого каления даже самого уравновешенного государя. А матушка, управлявшая государством вместо отца, что в наше время считалось «курицей, поющей на рассвете», и вовсе могла бы от них замучиться.

Матушка переспросила: «Только не цензорами?»

Я почесала в затылке и честно призналась: «Больше я ничего придумать не могу.» Потом потянула её за рукав: «Матушка, скажи сама.»

Матушка не ответила, а повернулась к отцу: «Саньлан, мне кажется, этих людей, прямолинейных в своих поступках, можно попробовать на должности помощников наследного принца. Тех двоих, чьи работы были хороши, можно определить секретарями. Остальных — испытать в должности корректоров.»

Отец как раз обсуждал с князем Сюй новую мелодию. Обернувшись на зов, он, не задумываясь, ответил: «Как скажешь.»

Это пиршество, как и все прочие, что устраивала матушка, прошло радостно и благопристойно. Ли Жуй одержал безоговорочную победу, и отец наградил его конём из императорских конюшен. Один учёный из округа Жу победил в экзамене тецзин, занял второе место, получил должность правого шии для испытательного срока, а также деньги и шёлк. Остальные также получили должности и награды. Мне же и Ванъэр награды были пожалованы от имени матушки — каждой по двадцать отрезов нового узорчатого шёлка из Шу. Хотя вещь была дорогой, во дворце она не считалась чем-то из ряда вон выходящим. Но, подобно новым монетам, которыми отец наградил Ли Жуя, ценность была в символическом жесте, в добром предзнаменовании новизны. Даже не любя подобные мероприятия, я с искренней радостью поблагодарила за подарок. Матушка с нежностью посмотрела на меня, погладила по лбу и сказала: «Возвращайся и ложись пораньше. Не засиживайся с ними в играх.»

Я заподозрила, что матушка прознала про мою перепалку с Вэй Хуань, и, опасаясь последствий, поспешно ответила: «Все последние дни я прилежно училась и ездила верхом, не баловалась.»

Матушка, завязывая мне завязки плаща, улыбнулась: «Судя по твоим результатам в тецзин, ты действительно поднаторела. Однако не заикливайся только на канонических текстах, историю и литературу тоже стоит изучать. Ванъэр в этом преуспела, можешь в свободное время по-прежнему приходить к ней.»

Услышав, как матушка в который раз отметила учёность Ванъэр, я поняла, что та ей действительно дорога, и тут же затараторила: «Завтра же приду!»

Матушка на мгновение замерла, оглядела меня с ног до головы и сказала: «Не торопись так. В учёбе главное — усердие. Рано или поздно ты достигнешь успеха, не стоит себя изнурять.» Она завязала красивый бант, поправила складки на моём плаще и добавила: «Тебе не нужно сдавать экзамены на чиновника и не нужно управлять государством. Ты родилась в роскоши, нечего себя мучить — всё за тебя есть у родителей.»

Странно: раньше это она велела мне учиться у Ванъэр государственным делам и вспоминала, какова была моя покойная сестра. А теперь говорит — не торопись. Понять её мысли мне было не под силу, и я лишь покорно кивала. Матушка окинула меня взглядом, вдруг присела на

корточки и обняла. Силы у неё было, конечно, меньше, чем у отца, но всё же достаточно, чтобы поднять меня. Она приподняла меня от земли, затем опустила и рассмеялась: «Вот ведь, помнится, ты была совсем крохой, а теперь уже почти догоняешь матушку ростом.»

Не понимая, откуда взялась такая внезапная нежность, я нарочно встала на цыпочки и, подняв руку вверх, сказала: «Матушка меня обманывает! Я даже на цыпочках не достаю до твоего плеча. Может, я вовсе никогда не вырасту, и тогда меня сочтут коротышкой, замуж не возьмут. Вот и останусь я во дворце, всю жизнь тебе компанию составлять.»

Матушка фыркнула со смехом, и все прислужники вокруг тоже рассмеялись. Она ткнула меня пальцем в щёку: «Что за вздор! Ты — моя дочь, кто посмеет тебя отвергнуть? Боюсь я лишь, что придёт время, и ты приглядишь какого-нибудь красавца из знатного рода, да так за него и расплачешься, что только замуж за него и хочешь.»

В душе я с этим совершенно не соглашалась, но для виду притворилась смущённой: «Даже если выйду замуж, всё равно останусь твоей дочерью. И дети мои будут твоими внуками. Все будут носить фамилию У.»

Это я говорила искренне. Если матушка в самом деле станет императрицей, вероятно, даже Ли Жуй сменит фамилию на У, чего уж говорить обо мне.

Улыбка мгновенно сошла с лица матушки. Она окинула взглядом окружение, и все присутствующие будто бы замёрзли, смех их оборвался, и они поспешно отступили подальше. Матушка нахмурилась, присела так, чтобы быть со мной на одном уровне, и, глядя мне прямо в глаза, спокойно спросила: «Кто тебе такое говорил?»

Я ответила, не отводя взгляда: «Никто. Просто... двоюродный брат Миньчжи ведь тоже изначально не был У. Если он сменил фамилию, то почему я не могу? Я... я тоже хочу носить фамилию У.»

Брови матушки разгладились. Она потрепала меня по щеке и улыбнулась: «Впредь таких речей не веди. А не то отправлю тебя в молельню сутры переписывать. Тысячу раз.»

Я сказала: «Знаю, знаю. Отцу и шестому принцу такое говорить нельзя. Только тебе. А вокруг были твои люди, так что ничего.»

Матушка не знала, то ли смеяться, то ли сердиться, и шлёпнула меня по макушке: «И никому не смей говорить! А теперь марш отсюда.»

Я показала ей язык и, не садясь в паланкин, побежала прочь бегом.

Вэй Хуань заметила меня, едва я вошла во двор, но сделала вид, что не видит, и повернулась, уходя в дом. Когда я вошла внутрь, она проследовала во внутренние покои, села за низкий столик и, взяв в руки книгу, сделала вид, что поглощена чтением.

Я велела служанкам оставаться снаружи, тихонько подошла к Вэй Хуань, ткнула её в плечо и позвала: «А-Хуань». Она не отреагировала. Я увидела, что она читает мою книгу «Хань-цзы», и, желая сгладить ситуацию, сказала: «Цайжэнь Шангуань уже объясняла мне этот трактат. Если что непонятно, спрашивай.»

Вэй Хуань подняла на меня взгляд, взяла другую книгу — «Лао-цзы» — и продолжила «читать». Я усмехнулась: «Эту я могу цитировать наизусть, но глубинный смысл не вполне понимаю. Может, ты мне разъяснишь?» С этими словами я перебралась на другую сторону столика и

уселась напротив неё с видом полной серьёзности. Вэй Хуань уставилась на меня. Я же лишь глупо ухмылялась в ответ, сложила руки в почтительном жесте и, под хмельком, стала нести вздор: «Учительница Вэй, наставница Вэй, госпожа Вэй Четвёртая, умоляю, научи меня. Или просто скажи хоть слово. Скажешь слово — и мне сразу легче станет.»

Вэй Хуань прикрыла книгу, наклонилась вперёд, потрогала моё лицо, потом понюхала и нахмурилась: «Вино пила?»

Я ответила: «Всего один кубок.»

Она закатила глаза и уже собралась позвать служанок, но я ухватила её за рукав: «Не зови никого. Мне нужно сказать тебе кое-что по секрету.»

Вэй Хуань холодно произнесла: «Если хочешь порассуждать о стихах и канонах с подругой, призови Цуй Мин-дэ или Ван Пин. Зачем ты меня держишь?»

Мой ум в тот момент был удивительно ясен, и я уловила скрытый смысл её слов. Усмехнувшись, я спросила: «А-Хуань, тебе... не нравится, что я общаюсь с Цуй Мин-дэ?»

Вэй Хуань усмехнулась: «Они — дочери знатных сановников, из влиятельных семей. А я — всего лишь мелкая служанка, которую на муле через чёрный ход привезли. Какие уж тут заслуги, чтобы с ними сравниваться?»

Я сказала: «Знатность или незнатность — какое это имеет значение для нашей дружбы? Разве я когда-либо смотрела на твоё происхождение?»

Но эти слова лишь разозлили Вэй Хуань ещё больше. Она вскочила на ноги: «Ты — принцесса. Тебе, конечно, нет дела до того, из какого рода твоя служанка.»

Услышав это, я поняла, что ляпнула что-то не то, и поспешно встала, ухватив её за руку: «А-Хуань, я не это имела в виду... Пусть у тебя и нет официального статуса, для меня ты куда важнее тех, у кого он есть.»

Вэй Хуань продолжала язвительно усмехаться, вырвала руку и направилась к выходу. Я окликнула её: «Куда это ты?»

Не оборачиваясь, она бросила: «Естественно, принести воды, чтобы принцесса умылась.»

Я, не в силах удержать её, перелезла через столик, обхватила сзади и повисла на ней, как капризный ребёнок: «Принцесса говорит — не уходи!»

Вэй Хуань остановилась, гнев на её лице лишь усилился. Она попыталась высвободиться, но я заявила: «Принцесса говорит — не двигайся!» Она замерла. Грудь её тяжело вздымалась, а взгляд, брошенный сверху вниз, был холодным.

Убедившись, что она не уйдёт, я отпустила её, встала перед ней и сказала: «Что ни скажи, всё сводится к тому, что ты сама себя жалеешь. А ведь ты прекрасно знаешь, что я отношусь к тебе вовсе не так, как ты говоришь. Иначе разве посмела бы ты так со мной обращаться?»

Вэй Хуань внезапно успокоилась. Уголки её губ натянулись в намеренную, неестественную улыбку: «Служанка не смеет.»

За всю жизнь я не встречала такого упрямого человека. Сдерживая раздражение, я

произнесла: «Я никогда не смотрела на тебя как на рабыню или служанку. Это знаю я. И ты тоже знаешь.»

Вэй Хуань ответила: «Я знаю лишь, что меня призвала ко двору госпожа У, чтобы служить принцессе. По природе своей я — твоя служанка. И как бы ты ко мне ни относилась, моя преданность тебе неизменна.»

<http://bllate.org/book/16278/1466059>